

...В ЭТОТ вечер зрители, которые пришли в Московский театр оперетты на «Летучую мышь» Штрауса, увидели совсем другой спектакль. Замена произошла не из-за болезни кого-либо из исполнителей и не по техническим причинам. Просто театр решил, так сказать, и предвзвешенно порядке проверить зрительскую реакцию на предстоящую премьеру. Прогоны и генеральная репетиция уже состоялись, и вот теперь — вечерний спектакль, почти премьеры, спектакль, который даст возможность увидеть последние штрихи. Именно штрихи, потому что в успехе спектакля театр не сомневался, и в афише премьеры была уже расписана на весь ближайший месяц. Что ж, подобные замены нередки в театральной практике. Но случай, о котором идет речь, оказался не совсем обычным. Зрители не только не сопровождали аплодисментами реплики и мизансцены. «Ударные», по мнению постановщиков, а постоянно стали покидать свои места, и к концу спектакля зал почти опустел. Остались лишь те, кто счел необходимым выразить свое мнение дирекции театра в письменном виде. Реакция зрителей была столь определенной, что театру пришлось совершить еще ряд замен: Теперь уже в обратном порядке — объявленные премьеры спешно заменили на спектакли текущего репертуара.

В «Сочинении на тему о любви» (композитор В. Ильин, либреттист Ю. Рыбчинский, постановщик Ю. Петров) — именно так записана спектакль, о котором идет речь, — в качестве драматургической основы был использован сценарий фильма «Весна на Заречной улице». Все мы помним успех этой кинокартины, созданной в 50-х годах, ее героев, их судьбы и ту атмосферу надежды, ожидания счастья, которым был пронизан фильм, прекрасную музыку Б. Мокроусова и ставшую столь любимой песню, которую так лирично и проникновенно пел под гитару главный герой. Обращаясь к сценарию фильма, авторы оперетты и ее постановщики намеревались, видимо, дать новую сценическую жизнь любимым когда-то героям — представителям рабочего класса.

Почему же это похвальное стремление воплотить на сцене «производственную тему» обернулось в результате полной неудачей? Причины не было. Главная из них — механическое перенесение ситуации и героев, определенных характеров и проблем в наше время. Между тем время мчится стремительно, многое меняется в нашей жизни, прежде всего — люди, современный рабочий, его культурный уровень. И у сегодняшнего зрителя, естественно, возникает сомнения в реальности происходящего на сцене, в достоверности образов героев. Не скупился поста-

Много дыма из ничего

Заметки о состоявшихся и несостоявшихся премьерах Московского театра оперетты

новщики спектакля, чтобы придать «достоверность» происходящему, и на сцене застоялись. Достаточно сказать, что одну из лирических сцен (объявление в любви) герой проводил в не совсем трезвом виде. Довольно допотопно выглядел и сам производственный процесс — цех, полный угарного дыма, двигающиеся в полутьме серые фигуры рабочих, а на сером фоне сценического задника вырисовывались черные заводские трубы. Весь спектакль был выдержан в черно-серых тонах. Из спектакля ушла лирическая интонация надежды, ожидания, которая была присуща фильму. Да, отрицательная реакция зрителей была не случайной.

Но, думается, не была случайной и неудача спектакля. Обратимся к творческой жизни театра последнего времени.

Несколько лет назад на афише театра появились интригующие слова: «спектакль будет объявлен особым». Каждый театрал знает, что это означает. И действительно, речь шла о премьере американского мюзикла «Обещание, обещание...» (композитор Б. Закарак, либретто Н. Саймона по мотивам американского фильма «Квартира», перевод И. Мельников, режиссер спектакля Ю. Петров, художник М. Муксеева). Спектакль готовился около года. В нем была занята вся труппа, включая балет, хотя танцевальных номеров не было. Огромная трехэтажная металлическая конструкция в центре сцены должна была изображать здание офиса «в разрезе». Зрители видели заставленные пикирной мебелью помещения. Непрестанно звенели телефоны, стрекотали пишущие машинки, служанки, клерки, посыльные суетились, создавая впечатление «потока жизни» большого учреждения. Кроме того, по обе стороны сцены были выстроены дополнительные враждующие декорации — кафе, квартиры жилого дома, улицы, заполненные прохожими, среди которых прогуливалась даже дама с собакой. На заднем плане — мигающие огни рекламы. Световых и особенно шумовых эффектов было более чем достаточно. Порой трудно было услышать музыку: свозом скрежет автомобильных тормозов, непрерывные гудки, сирены, грохот, специфические звуки аварийных автомобилейных ситуаций.

Чтобы показать «американский» образ жизни, театр на средства не скупился — фирменные костюмы, меха, вечерние туалеты (в сцене встречи Нового года). Выски с содовой, кока-кола лились рекой. Декорации были изго-

товлены по специальному заказу. В театре с гордостью говорили, что их дела завод башенных кранов, так как ни одна театральная мастерская не была в состоянии изготовить металлическую трехэтажную конструкцию, необходимую для воплощения режиссерского замысла. Для того чтобы поворачивать все это сооружение, установлен был сверхмощный двигатель, а актерам, чтобы оказаться в нужный момент на сцене, нужно было с немалой долей риска вскакивать на ходу на это угрожающе вращающееся сооружение.

Чтобы собрать этот станок-гигант, необходим был усиленный парад рабочих сены попытки квалитации, так как малейшая неточность при сборке могла повлечь за собой производственные травмы. В день спектакля установка декораций начиналась с самого утра. После спектакля их предстояло еще разобрать! Работа не менее тяжелая, сложная и многочасовая. Поэтому ни один спектакль на следующий день идти не мог. И не случайно «Обещание, обещание...» всегда ставилось в афишу накануне выходного дня, а порой и по три раза подряд. Добавим, что в те дни, когда шли генеральные репетиции накануне премьеры, все вечерние спектакли были отменены.

Трудно поверить, но все эти немомверные усилия, не говоря уже о колоссальных материальных затратах, принимались ради того, чтобы поставить второсортный импортный мюзикл. Сюжет фильма «Квартира» изложен: неприязнительная комедия о маленьком человеке — клерке одного из учреждений, который предоставляет своим приятелям и «боссу», делая на этом карьеру. Фильм заканчивался мелодраматическим финалом. Но если в фильме, в его камерном, неприязнительном сюжете, проскальзывали какие-то реальные черты жизни американской действительности, возникало сочувствие к его героям, заданным обстоятельствами, то в спектакле подобный сюжет оказался лишь поводом для двусмысленных ситуаций, смакования подробностей adultery, бесконечного муссирования одной и той же темы с явными элементами подлости и натуралистическими деталями. Достаточно сказать, что одним из мест действия был мужской туалет.

Спектакль прошел не более десяти раз. После шумной рекламы, огромных усилий всего коллектива, средств, затраченных на его постановку, он как-то тихо и незаметно сошел со сцены.

Актеры вздохнули с облегчением. Так же, видимо, как и зрители, успеха у которых спектакль не имел. Причину его исчезновения из репертуара никто не исследовал. Никаких выводов для себя театр не сделал. Более того, в его планах появились еще один не менее грандиозный замысел. Главный режиссер театра Ю. Петров решил поставить теперь уже французский мюзикл — «Граф Монте-Кристо» М. Лепрана. Чтобы приблизить постановку к оригиналу, решено было петь по-французски. На русском же языке произносить текст. Мюзикл М. Лепрана — камерное сочинение, с небольшим количеством действующих лиц, с двумя-тремя эффектными шлагбарами. Несколько лет тому назад его премьера состоялась в Париже в одном из небольших театров. Успеха он не имел и довольно быстро и бесследно сошел со сцены. Но в Московском театре оперетты любят размах. Поэтому и текст произведений, и количество действующих лиц были непомерно увеличены. Предполагалось даже показывать спектакль с продолжением, в течение двух вечеров. Начались занятия французским языком, репетиции музыкальных номеров. Актеры старательно учили свои партии на языке оригинала. Дополнительный текст писал сам режиссер «по мотивам Дома». В течение пяти месяцев работа шла полным ходом. И вдруг все было остановлено. Почему? Оказалось, что режиссер срочно ставит оперетту В. Ильина «Сочинение на тему о любви». И теперь все силы должны быть брошены на этот спектакль. Актеры принялись за новую работу. О результатах ее было сказано в начале статьи.

Итак, еще одна несостоявшаяся премьера. Еще один пример впустую потраченных сил и средств.

А что же состоялось? Что украсило афишу театра, что привлекло внимание зрителей? Известно, что любители оперетты являются поклонниками классики. За это время, с афиши театра исчезли такие оперетты, как «Финанс Монмартра» и «Мария» Кашмана, «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу. Появилась «Королева чардаша» Кальмана и «Вечерние посетители, или Взаимное маэстро», поставленные к юбилею композитора. Но вряд ли эти спектакли можно считать произведениями. «Королева чардаша» — один из вырванных «Сильвы», где героиней является не Сильва, а давно уже сошедшая со сцены нава. Пейзажи. Со свойственным театру стремлением к «масштабности» этот спектакль продолжается слыше

четыре часа! В нем текст, изобилующий доподлинно сочинительными остротами, значительно превалирует над музыкой, введена масса ненужных действующих лиц, отяжеляющих действие, лишаящих оперетту присущей ей легкости и изящества. Что же касается «Вечерних посетителей, или Взаимного маэстро», поставленного на собственное джобетто режиссера Ю. Петрова, то это скорее можно назвать концерт, состоящим из фрагментов оперетт Кальмана, в котором использованы костюмы и декорации «Королевы чардаша».

Московский театр оперетты всегда пользовался заслуженной славой. На его сцене были поставлены оперетты Шостаковича, Кабалевского, Александрова, Свиридова, Дунаевского, Хренникова, Милюткина, Листова, композиторов республик. Он дал путевку в жизнь многим произведениям, которые по праву вошли в золотой фонд нашего музыкального искусства. Кажется, нигде так, как в оперетте, с помощью танца, музыки, лени, слова, с ее пафосом непреклонной победы добра можно создать положительный образ героя наших дней.

Но на сегодняшней афише Московского театра оперетты спектакль на современную тему — редкий гость. Невольно создается впечатление, что театр не бережет произведения, созданные на его сцене, которые вошли в золотой фонд советского опереточного искусства, не бережет свои собственные традиции. Репертуарная политика театра представляется случайной, лишенной продуманной, четкой позиции. Почти все названия в его афише уже «где-то были», «где-то шли». Вторым, третьим, а порой и четвертым экраном идут на ней такие оперетты, как «Пусть гитара играет!» и «Старая комедия» О. Фельдмана, «Свадьба с генералом» Е. Птичкина, «Кадриль» В. Грохковского, «Переключи» Р. Гаджиева и так далее. Ставить спектакли, априори бывающие на периферии, стало для театра правилом. Конечно, бывают исключения. Так, несомненным событием стала несколько лет тому назад постановка оперетты Кара Караева «Неистовый Гасконец». На этом спектакле вспоминаешь, что слово «оперетта» означает «маленькая опера», что находилось в театре музыкальным, необходимым привилегией, которую является симфонический оркестр, а в партитуру значится классические вокальные формы — арии, дуэты, ансамбли, то есть то, о чем начинаешь забывать на некоторых других спектак-

лях театра. Кроме того, в «Неистовом Гасконец» — нелинейная литературная первооснова — комедия Ро-стана «Сирено де Бержерак», воспеваящая романтику и благородство чувств. Но, к сожалению, «Неистовый Гасконец» не стал критерием художественности, а лишь, повторяю, исключением, эпизодом. И более чем красноречивым подтверждением этого явилась постановка «Пелелопи» А. Журбина (песня В. Радера и В. Константинова). Вот этот спектакль был вышущим первым экраном и получил «путевку в жизнь» на сцене столичного театра. Трудно представить, что возможно подобное отношение к мифологическому сюжету и его героям, граничащее с элементарной неграмотностью. Авторы оперетты немало потрудились, чтобы изложить смысл хрестоматийной легенды. В их «песне» Пелелопи «задолбал роман», сын Одиссея Телемах больше всего боится возвращения отца, так как на известии о его гибели он делает «бизнес». Здесь Пелелопи не только изведена с пьедестала верной жены, но высмеяно само чувство любви и верности. И все это, уже не говоря о музыке — невыразительной и односторонней, примитивной, по оркестровке, по штампованным ритмам, словно заимствованным из арсенала базисных ВИА, — удручает.

В Московском театре оперетты любят сценические эффекты. Трудно назвать спектакль, во время которого сцены бы не заволакивались пылью. Он покрывает ее не только во время баталий сцен в опереттах «Неистовый Гасконец» и «Товарищ Любовь», но и во вполне мирных сюжетах, например, в «Взаимном маэстро» и даже в «Королеве чардаша». В спектакле «Сочинение на тему о любви», где одна из картин происходит в заводском цехе, на сцену опустилась подлинная пыловая завеса, которая распространилась даже в зрительный зал.

В чем же заключается сегодня эстетическое кредо столичного театра, имеющего хороший художественный потенциал — сильную труппу, в которой немало подлинных мастеров и талантливых молодежи, квалифицированный симфонический оркестр, балет, хор, оснащенный современной театральной техникой постановочную часть? Какими критериями руководствуется театр в своей репертуарной политике, в режиссерских решениях спектаклей? Последние премьеры театра — состоявшиеся и несостоявшиеся — со всей остротой ставят эти вопросы.

А. ДАШИЧЕВА